

Коллективизация

Это слово я слышал все чаще.

С ним было связано появление на улице небольших групп людей, по десять-пятнадцать человек, которых вели по мостовой военные с наганами, вынутыми из кобур.

Мужчины в вытертых бараньих папахах, черных суконных кепках, тулупы и пальто подпоясаны, чтобы сохранить тепло. Женщины закутаны в платки. С торбами, мешками, фанерными баулами.

Вокруг слышалось: "Кулаки!", "Раскулаченных ведут".

Мы, дети, жадно и со страхом вглядывались в их черные от мороза лица.

Военные в длинных шинелях, буденовках с нашитыми красными звездами. Их подкованные сапоги звенели на облитых льдом крутых булыжниках. Вели со стороны Нового базара на Преображенскую улицу, в тюрьму.

Вспоминается и другая сцена: издохшая лошадь с длинной мордой на сизой обледенелой мостовой. Ноги деревянно вытнуты. И большой вздутый живот, похожий на бурую мешковину. Извозчик освобождает упряжь.

И еще одна. На Соборной площади у углового дома лежит вверх лицом человек. Ветер метет колючую снежную крупу, человек уже почти засыпан снегом. Видны только серое лицо и голые ступни.

Никто не останавливается. Я тоже прохожу мимо. Мне нужно как раз в этот дом играть с мальчиком.

Собор

С моего балкона был виден кафедральный собор на Соборной площади. Он напоминал гигантские желтые кубы. Они были увенчаны главной колокольней и большими и малыми куполами.

Когда звонили колокола, с собора взмывали птицы и с криком широко кружили в небе.

Собор имел множество дверей на все стороны булыжной площади с подъездами, крыльцами, ступенями без навесов и просто ровень с землей. Эти двери были кованы железом со множеством заклепок с крупными выпуклыми головками и выкрашены в зеленый цвет. Крыши тоже были зеленые. А двери, видно было, давно уже не открывались. И у них экскременты и потоки мочи.

Но главный вход, высокий, как ущелье, был открыт. Внутри царил сумрак. Этот сумрак был как бы забрызган множеством огней лампад и свечей, его прорезали падающие из окон потоки света.

Но собор был так велик, что дневной свет не мог рассеять сумрака, он как бы стоял в нем. Алтарь в конце собора виден был как в тумане.

У массивных колонн могиленные плиты в ограде. На одной из плит стояло: "Светлейший князь Михаил Семенович Воронцов". Рядом "Княгиня Лидия". От гулких каменных полов пахло холодом даже летом. Этот запах смешивался с запахом воска и ладана. Кучки и одинокие фигуры людей терялись в просторе собора.

Шорох шагов, треск свечей, шелест голосов. Я ходил сюда, притягиваемый любопытством и страхом. Я всегда чувствовал свою как бы непринадлежность к этому месту.

На Пасху вокруг собора шел крестный ход. Прихожане стояли с пасхами, крашенками. Подъезжали извозчики с нарядными седоками. И в открытом экипаже привозили архиерея.

Но совсем не видно было молодых лиц. И мало мужчин. Платки, косынки, шляпки. Солнечно, ярко. И грустно.

Но дни собора уже подошли к концу. Сначала сбросили главный колокол. Он упал на бок, раскрошив булыжники. И еще долго лежал у собора с отбитым краем, оторванным необычно толстым развал чугуна.

Можно было пощупать всегда холодный колокол и даже вскарабкаться к его вершине с массивной металлической петлей. Для этого надо было сбросить сандалии, чтобы не скользить по крутому боку колокола.

Когда колокол увезли, на площади осталась обширная вмятина. Летом после дождя сюда натекло маленькое озеро, можно было пускать кораблики. А зимой кататься на коньках по гладкому льду.

А собор, закрытый и глухой, все еще стоял. Потом его взорвали. Толпа терпеливо, много часов, ждала этого зрелища. Соборную площадь окружала цепочка синих милиционеров и никого к собору не пускала.

Вдруг задрожала земля, и раздался глухой взрыв. Лица коснулись упругий душный воздух. Он пахнул серой. Я увидел, как собор окутался поднимающейся со всех сторон пылью, и в это облако стали погружаться стены и колокольня, теряя на ходу свои очертания. Открылась непривычно пустая площадь, а за нею заслобонная до сих пор собором часть Преображенской улицы с трамваем.

"Стучите вилками по тарелкам"

Отец мачехи Георгий Георгиевич Калягин — мастер на заводе. Он там много лет, ветеран. Награжден даже грамотой правительства.

Об этом писали в газете. Торжество вручения грамоты передавали по радио. Устроили его дома у юбиляра, так решило начальство. Заводская столовая получила указание накормить людей.

Вот на этом столе, показала Клавдия Осиповна, поставили тарелки, стаканы, бутылки ситро. И миску картофельного салата, каждому пригласила жменьку на тарелку.

Было это во время коллективизации. Первое поздравление от исполкома.

Корреспондент шепчет: "Аплодируйте!". А потом: "Ешьте". После второго поздравления есть уже нечего, тарелки пустые. Тогда корреспондент опять шепчет: "Стучите вилками по тарелкам. Как бутылку вы едите. Смелее! Еще".

И так после каждого поздравления. "А дурни слушали радио и верили!" — негодует Клавдия Осиповна.

Георгий Георгиевич сидит с нами за столом и курит папиросу после обеда. По лицу его не скажешь, слушает ли он Клавдию Осиповну.

Марк ГИРШИН

ШОРОХ ВРЕМЕНИ

Оно у него горбоносое, с усами, темное от заводской копоти.

От мачехи я знаю, что ко времени революции у Калягиных уже было собрано десять тысяч, купить дом, в котором они снимали эту квартиру. Деньги хранили дома. Но золотые десятки, когда их пересчитывали, бывало, падали и закатывались в щели между половицами, за плинтусы, не найти. И Клавдия Осиповна тяжелый мешочек отнесла в банк обменять на бумажные.

Кассир странно на нее посмотрел: "Мадам!.."

Послушно отсчитала сотенные екатеринки, и Клавдия Осиповна, отвернувшись, спрятала их в бюстгальтер. Очень удобно.

Скоро после этого произошел большевистский переворот в Петрограде.

Возможно, что, наблюдая, как спиралька дыма от папиросы подымается к люстре с давно уже не зажигаемыми огарками свечей, старший Калягин вспоминал этот случай.

В городском музее есть его фотография. Во время гражданской войны Калягин с бригадой клепальщиков обшил паровоз и несколько платформ стальными листами. Туда поставили пушки и пулеметы, и получился бронепоезд "Красный воин".

Но когда денкиницы выбили красных из Одессы, они под стражей привели Калягина на завод и приказали построить для них такой же бронепоезд. Назвали его "За Русь святую".

Об этом мне рассказала под большим секретом мачеха.

Портрет в подъезде

Однажды утром по дороге в школу я увидел в подъезде, где управдом вешал объявления, нарядный гляцевый плакат с фотографией человека с ромбами. На плакате было написано: "Голосуйте за кандидата нерушимого блока коммунистов и беспартийных сталинского наркома внутренних дел УССР И.М. Леплевского!".

К моему возвращению из школы этот плакат исчез.

А поднявшись домой, я услышал по нашей радиоточке о разоблачении врага народа Леплевского. Все это в течение нескольких часов.

Но история взлета и падения наркома имела продолжение.

Конституция 7-А класса

Во время урока в класс вошел розовощекий кругленький человек и объявил, что он новый директор школы и зовут его Аба Ильич. Так мы узнали, что старого директора сменили. Аба Ильич велел положить на парты тетрадки. На обложках школьных тетрадей обычно печатались таблица умножения, меры веса и длины и портрет какого-нибудь вождя, чаще всего Постышева. Директор сказал, что портрет Постышева и его имя нужно густо замазать чернилами.

С тех пор директор не раз обходил классы, пока портреты всех вождей в тетрадках не оказались замазанными. Он сам провернул тетради, поднося их близко к глупым голубым глазам, и часто оставался недово-

лен: "А волосы почему оставил? Замахь", или: "Все видно через бледные чернила. Достань у кого-нибудь хорошие".

Это вымарывание портретов совпало с торжествами по поводу выборов на основе новой самой демократичной в мире конституции. О ней целыми днями говорили по недавно установленной у нас дома радиоточке, тогда новинке. Как-то я услышал передачу выступления Сталина на торжественном собрании. Меня поразила его запинаясь речь, неправильные ударения и еще больше заключение: "За здоровье Ленина!". Ведь Ленин умер.

Ажиотаж с конституцией заразил и нас, школьников. Кто-то предложил составить конституцию класса. Так появилась тетрадка с надписью: "Конституция 7-А класса". Кажется, дальше этой надписи дело не пошло. Но каким-то образом о тетрадке узнал Аба Ильич. И вот одного за другим учеников стали вызывать к директору в кабинет. Когда пришел мой черед, Аба Ильич спросил, кто предложил иметь конституцию класса и писал заголовки. После этого директор укоризненно поглядел на меня поверх стола с телефоном: "Разве ты не знаешь, что мы в нашей великой стране недавно приняли сталинскую конституцию?". И разведя в стороны пухлые руки, проникновенно спросил: "Так зачем же нам еще одна?".

Аба Ильич был добродушный провинциал с толстыми губами. Поэтому мы его звали "губошлеп". Он поселился в школе. Больше ему, переводному из района заменить нашего исчезнувшего директора, жить в Одессе было негде. Мы узнали об этом потому, что вдруг глухие окна школьной кладовки засияли промытыми стеклами, и за ними появились занавески.

Расспросы же о злополучной тетрадке с конституцией тянулись долго и, наверное, стоили нашим родителям немало волнений.

Той же зимой дворник дал мне повестку для отца. Это был вызов в НКВД. Возможно, вызов был связан с той же тетрадкой. А может быть, с его родителями и братьями, оставшимися после гражданской войны в Латвии, под Двинском, деревня Криславка, местом его рождения. Но отца не арестовали.

Появился американский фильм о войне штатов за независимость от английского короля. Мне не надоело еще и еще раз смотреть на абордаж, пушечные разрывы и наполненные атлантическим ветром паруса славного фрегата "Конституция", дерзко идущего на сближение с английской эскадрой.

Я успевал на детский сеанс после школы, если в тот день было не больше пяти уроков. Билет стоил 20 копеек. Кино помещалось на Дерибасовской, надо было только пробежать Соборную площадь. Иногда ко мне присоединялся наш новый ученик, черненький мальчик из Узбекистана. Помню его взволнованную скороговорку: "Ахунбабаев-Файзула Хаджаев-Икрамов-Цейхер", имена исчезнувших местных вождей. Очень, видно, его отец тоже пострадал, мальчика спешно отправили к бабушке в Одессу.

Дома радио бесконечно передавало песни о Сталине. Чаще других, как "...о Сталине нашем, родном и любимом, счастливые песни слагает народ". Пели и украинскую песню о соколе Сталине: "Одын сокол — Ленин, другой сокол — Сталин", и как этот "другой сокол" куда-то летит "соколыну выручаты".

Песни прерывались, чтобы передать новости о разоблаченных "врагах народа". В один прекрасный день врагами киевская радиостанция им. Коссиора назвала одесских вождей.

Я мог в этом убедиться, когда моя тетка повела меня на анализ в лабораторию на Гаванной улице. Я узнал этот трехэтажный дом. В нем еще недавно жил первый из местных вождей. У двери в парадную тогда стоял милиционер. Металлические ворота открывались, чтобы выпустить на улицу вымытый черный "Линкольн". Я видел это, когда наш класс вели в детскую зубоветеринарную клинику у Матросского спуска под Сабаневым мостом.

Мама в прошлом приносила домой слухи медицинского мира. Например, что гостям в доме вождя у входа в детскую предлагали надеть врачебные маски, чтобы предохранить здоровье детей.

Потом в этом доме открыли музей. Там был макет шахты в царские времена, с изможденным шахтером, волокущим на шлее наполненные углем сани. Показывали и железную клетку, в которой содержали когда-то Котовского, приговоренного к смертной казни. То, что музей разместили в доме

арестованного, конечно, случайность. Но и судьба человека подвержена ей же. Котовскому, например, суждено было избежать царской казни, но погибнуть от пули ревнивого адъютанта.

После одесских вождей подошел черед самой киевской радиостанции. Она потеряла имя Коссиора. Все знали, что это значит. Коссиор тоже оказался "врагом народа".

Кроме радио в доме была также "Правда" отца, которой я уже интересовался. В ту зиму газета была заполнена материалами второго, "Пятаковского" показательного процесса. Совсем недавно прошел первый, "Зиновьева-Каменева".

Для того чтобы объяснить мое отношение к Сталину, надо сказать, что у нас в нише за занавеской стояло стопкой на полу первое собрание сочинений Ленина. Оно вышло до прихода Сталина к власти. В этих томах в переплете из красной ткани с черным выпуклым профилем имелся именной словарь с биографиями. Перечень страниц, где Ленин упоминал Сталина, часто умещался в одной строчке. Зато многим "врагам народа" не хватало и полустраницы. Биографии их были написаны в апологетическом тоне.

Поскольку фундаментом сталинских обвинений был антиленинизм этих людей, неправда становилась очевидной даже школьнику, овладевшему арифметикой.

Там же в нише хранился и тяжелый том в коже с выбитым посвящением: "Ветерану 51-й Перекопской дивизии", моему отцу. Я рассматривал многочисленные фотографии этого юбилейного издания во время частых простуд, когда меня укладывали в постель.

Книга открывалась портретом комдива Василия Блюхера на стуле, сабля между колен. Бритая голова, острые глаза. На груди красный бант с орденом. Под фотографией Троцкого надпись такая: "Предреввоенсовета Республики тов. Троцкий, стоя на броневике, обращается к бойцам 51-й Перекопской дивизии, призывая их проявить такое же героизма в работе, какое они проявили в боях".

Террор между тем пришел к нам во двор. Арестовали отца хорошей избалованной девочкой Ирочки. Я когда-то приходил к ней играть. Но теперь, повзрослевшую, ее можно было увидеть только с подругами.

Я часто встречал его по утрам, идя в школу. В синем кителе, морской фуражке с крабом, глаз прищурен от дыма папиросы во рту, он выходил на работу в порт. Или в майке сидел вечером на балконе и до глубокой ночи слушал свой радиоприемник, в то время редкость. Наверное, заграничный, советских еще не было. Еще недавно он делал доклад во дворе о "поголовно-обязательном" участии жильцов нашего дома в выборах в Верховный Совет. Он был еще совсем молодой человек, как мой папа. И вот его, как говорили, ночью увез "черный ворон". Я представлял себе этот автомобиль похожим на карету скорой помощи, но густого черного цвета.

Арестовали нашего соседа по лестничной клетке, маленького человека с лицом в красных прожилках, прокуренный голос. Он жил этажом ниже. Ходили слухи, что во время праздника он вынес на балкон портрет Троцкого и кричал вниз проходящим демонстрантам: "Да здравствует вождь мирового пролетариата!".

Как я знал? Отец никогда со мной о таких вещах не говорил. Мамы уже не было. Я думаю, из воздуха. Буквально. Одно слово услышано здесь, другое там. Это был воздух террора.

Ночной гость

Однажды ночью меня разбудил чужой мужской голос из папиной комнаты. И я услышал: "Завязали глаза, посадили в машину. Привезли куда-то, подымается в лифте, идем, слышно — открывают дверь в комнату. Сняли повязку с глаз. Комната пустая, без мебели. В стене окошко. Как в столовой для выдачи блюд. Говорят, подойдите и просуньте голову, вижу такую же пустую комнату. Вдруг туда входит Сталин: "Ну, что скажешь?". А я не могу ни слова. Слезы бегут, горло сдавило. Еле выдавил: "Товарищ Сталин, я не виноват". Опять повязку на глаза, привезли обратно в тюрьму. Написал письмо Сталину на десяти страницах. Через три месяца, как один день, выпустили. Вернули партбилет. В наркомате получил назначение — Петропавловский-на-Камчатке консервный комбинат. Директор. До конца пятилетки должны вырасти вдвое. Сделал сюда крюк повидать стариков — и на работу. Первого приступить".

Когда я утром встал в школу, ни отца, ни гостя уже не было. На столе едко пахнущая бутылка из-под водки, остатки еды на газете.

Это был Паданицин, его фотографию я тоже видел в юбилейном издании — невысокий подросток с револьвером и саблей, заметны следы оспы. И можно лишь гадать, не из-за этой ли оспы Сталин, и сам покояренный ею, помиловал бывшего комроты.